

Посвящается моим маме и папе

Пролог

20 октября

Я наблюдаю, как мужчина с румяными щеками и короткой стрижкой входит в ресторан, стряхивая капли дождя с бейсболки. — Эй, милая, — окликает он розоволосую девушку, смешивающую напитки за стойкой бара. — Можешь повесить это в витрине?

— Конечно, — соглашается она, кивнув на листок бумаги в его руке. — Новый сбор средств для пожарной команды?

— Нет, кое-кто пропал, — говорит он.

— Без вести? И что с ней случилось?

— Не с ней. С ним.

— *С ним?* Ну, такое не каждый день услышишь.

— Исчез ночью в бурю. Пытаюсь всех оповестить.

Дверь за ним закрывается, а девушка идет в конец бара, берет листовку и зачитывает вслух женщине, обедающей на углу стойки. — Доктор Сэм Статлер, местный психотерапевт, рост — 185 см, черные волосы, зеленые глаза. Предположительно, ездит на «Лексусе» RX-350, 2019 года выпуска. — Присвистнув, она поднимает листок бумаги. — С кем бы он ни «пропал», это счастливая женщина. — Я украдкой бросаю взгляд на фотографию Сэма — эти глаза, эта ямочка на щеке, надпись «Пропал без вести» семьдесят вторым шрифтом над его головой.

Эйми Моллой

— Я видела эту историю в утренней газете, — комментирует женщина за стойкой. — Он ушел на работу и не вернулся домой. Жена заявила, что он пропал.

Девушка с розовыми волосами подходит к окну. — Жена, да? Надеюсь, у нее хорошее алиби. Знаете старую поговорку: «Когда пропадает мужчина, виновата всегда жена».

Они обе смеются, пока девушка прижимает фотографию Сэма к размытому от дождя стеклу, и я погружаю ложку в суп, делая маленькие, осторожные глотки; мои глаза устремлены на миску, а в желудке поднимается тошнота.

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Тремя месяцами ранее

Вот это задница. Невероятно.

Такая идеальная задница, что Сэм никак не может отвести от нее глаз, пока идет за женщиной полквартала вверх по холму, мимо сырной лавки, книжного магазина и расхваленного нового винного заведения с ярко-красной дверью. Он делает вид, что разглядывает стойку с американскими флагами в витрине строительного магазина «Оборудование Хойтс», когда она подходит к «Парлору», дорогому ресторанчику с закусками, который открылся три месяца назад. Мужчина, выходящий следом за женой, придерживает для незнакомки дверь и задерживается, чтобы мельком взглянуть на нее сзади, наверняка молясь, чтобы жена не заметила.

Ресторан занял здание, в котором раньше работало два поколения дантистов Финнерти, а кирпичный фасад сменился гладкой стеклянной стеной. Сэм останавливается перед ней, наблюдая, как женщина пересекает помещение и садится за барную стойку.

Снимает льняной блейзер.

Заказывает напиток.

Она достает из сумки книгу, ее лопатки под тонкой белой майкой взмывают, как крылья птицы, ког-

да Сэм проходит мимо и останавливается поглазеть на объявления в окне офиса риэлтора по соседству. Ровно девять минут он ждет, достаточно долго, чтобы она уже почти допила свой напиток, и, ощутив знакомый прилив адреналина, он на дюйм ослабляет галстук и разворачивается.

Игра началась.

Дверь в ресторан открывается, и Сэм проходит, выпуская во влажный вечер порыв кондиционированного воздуха.

— Доктор Статлер. — Перед ним стоит пациентка, и ему приходится судорожно вспоминать ее имя. Они начали сеансы две недели назад. Кэролин. Кэролайн.

— Кэтрин, — наконец приветствует Сэм. *Черт.* Такого никогда не случалось с ним в Нью-Йорке, но постоянно происходит здесь — он сталкивается с пациентами на улице, в продуктовом магазине, повсюду. Вчера в спортзале он пробежал три мили на беговой дорожке, в то время как Алисия Чао, недавно разведенная преподаватель гуманитарных наук с тревожным расстройством, занималась на эллиптическом тренажере. Такие встречи каждый раз выводили его из себя.

— Как поживаете?

— Хорошо, — отвечает Кэтрин. Кэтрин Уокер — известная художница в Нью-Йорке, недавно купила дом за миллион долларов с видом на реку.

— Это Брайан. — Сэм пожимает руку ее спутнику. Брайан — ресторатор, который не удовлетворяет ее в постели. — До встречи завтра, — говорит Кэтрин, когда Сэм заходит внутрь.

— Поужинаете сегодня у нас? — спрашивает девушка за стойкой. Молодая блондинка. С татуировками. Очень красивая. Студентка-искусствовед, как он предполагает, с пирсингом, таящимся где-то под

одеждой. Девушек такого типа он когда-то мог затащить в постель уже к десяти вечера.

— Нет, — говорит Сэм. — Только пропущу бокальчик.

Бар переполнен новыми приезжими из больших городов, сидящими у тарелок с жареной брюссельской капустой и маринованными огурцами за девять долларов. Сэм идет к женщине и, проходя мимо, позволяет своему локтю задеть ее руку.

Ее сумочка лежит на табурете между ними, и Сэм, садясь, толкает одну из его ножек так сильно, что сумочка падает на пол. — Извините, — говорит он, нагибаясь за ней.

Женщина улыбается, забирает сумочку, вешает под стойку и возвращается к своей книге.

— Что вам налить? — спрашивает бармен. У него гладко зачесанные назад волосы и потрясающе белые зубы.

— «Джонни Уокер Блю*», — отвечает Сэм. — Чистый.

— Человек с дорогим вкусом, — одобряет бармен, когда Сэм достает из бумажника кредитную карточку. — Мой любимый типаж.

— И я хотел бы угостить напитком эту женщину. За то, что доставил столько неудобств ее сумочке.

Она сдержанно улыбается. — Это мило с вашей стороны. Но моя сумочка не пострадала.

— Нет, я настаиваю. Что выпьете?

Она колеблется, внимательно оглядывая его. — Что ж, хорошо, — соглашается она. — Джин-Мартини. И пять оливок.

* «Джонни Уокер» (англ. Johnnie Walker) — известная марка скотча (шотландский виски). «Джонни Уокер Блю Лейбл» — смесь 16 редких сортов виски. Средний возраст спиртов — 25 лет. Цены на серию Blue Label исчисляются сотнями долларов.

— Мартини? Я бы скорее определил вас как любительницу розового вина.

— Какой стереотипный подход, — замечает она. — Но вы же знаете, что говорят о мартини.

Сэм научился незаметно наблюдать за людьми, профессиональная необходимость позволяет ему видеть, что под белой майкой на ней бледно-розовый лифчик с кружевной отделкой, что кожа на ее плечах блестит.

— Нет, а что говорят о мартини? — Переспрашивает Сэм.

— Правильный союз джина и вермута — это великая и внезапная слава; это один из счастливейших браков на земле, и один из самых скоротечных. — Бармен ставит ее напиток перед ней. — Бернард Девото*.

Сэм кивает на ее книгу. — Так вот, кого вы читаете! — Она показывает ему обложку с силуэтом женщины. — Нет, это тот самый триллер, о котором все говорят.

— И как он, хорош?

— Довольно неплох, главная героиня — женщина. Хотя честно говоря, я уже слегка устала от того, как сейчас в литературе изображают женщин.

— И как же? — уточняет Сэм.

— О, ну, знаете, — отвечает она. — Как будто все мы склонны к неврозам или истерии и нашим суждениям не следует доверять. Это узаконивает гегемонистскую идею маскулинности и доминирующего положения мужчин в обществе и оправдывает подчинение женщин. — Она берет свой бокал и возвращается к книге. — В любом случае, спасибо за выпивку.

* Бернард Огастин Девото (11 января 1897–13 ноября 1955) — амер. историк, специализировался на истории американского Запада.

Сэм позволяет ей прочитать еще одну страницу, прежде чем наклониться. — Эй, всезнайка. Ты приехала на выходные?

— Нет, — говорит она, переворачивая страницу. — Я здесь живу.

— Ты шутишь. Честнат-Хилл — небольшим городок. Думаю, я бы запомнил, что видел тебя.

— Я новенькая. — Она смотрит на него снизу-вверх. — Переехала сюда в прошлом месяце из Нью-Йорка. «Городские идиоты», кажется, так нас называют местные? — Она зубами стягивает оливку с пластиковой шпажки, и он представляет себе, какими солеными должны быть ее губы, когда чувствует руку на своем плече. Это Реджи Майер, фармацевт. Его жена Натали — пациентка, последнее время ее преследует навязчивая мысль, что Реджи пахнет салями.

— Натали неважно себя чувствует, — говорит Реджи, показывая пластиковый пакет. — Несу домой немного супа.

— Передайте ей — я надеюсь, что ей станет лучше, — говорит Сэм, наклоняясь на несколько дюймов к нему, но не чувствуя никакого запаха.

— Обязательно, доктор Статлер. Спасибо.

— Доктор? — спрашивает женщина, когда Реджи уходит.

— Психотерапевт.

Она смеется.

— Ты — психотерапевт?

— Что? Не веришь? — Сэм снова тянется к бумажнику, достает визитку и кладет рядом с ее бокалом.

— Странно, — произносит она, читая визитку. — По-моему, ты больше похож на ортопеда. Так ты хочешь меня проанализировать?

— А почему ты думаешь, что я еще этого не сделал?

Она закрывает книгу и поворачивается к нему лицом. — И?

— Ты умна, — начинает он. — Уверена в себе. Предположу, что единственный ребенок в семье.

— Очень хорошо, доктор.

— Любящие ответственные родители. Частная школа. Минимум один диплом, а может, и два. — Сэм делает паузу. — И тебе пришлось стать экспертом по ношению бремени быть самой красивой женщиной в этом мире.

Она закатывает глаза. — Вау, это было *ужасно*.

— Возможно. Но я серьезно, — говорит Сэм. — Спорим, если опросишь всех мужчин здесь, кого они хотели бы увести сегодня домой, сто процентов выбрали бы тебя.

— Девяносто девять процентов, — поправляет она. — Бармен выбрал бы тебя.

— Когда постоянно находишься под мужскими оценивающими взглядами, это сказывается, — продолжает Сэм. — Объективация, как мы это называем.

Ее лицо смягчается. — Когда на тебя смотрят, как на *вещь*.

— Некоторые. Но не все.

— Думаешь, мне стоит завести собаку для отвлечения внимания?

— Ты шутишь? Горячая девушка с собакой? Это лишь ухудшит ситуацию.

Она улыбается. — Ты все это придумал, пока шел за мной и пялился на мой зад? Или когда стоял снаружи, наблюдая за мной через окно?

— Мне звонили, — оправдывается Сэм. — Экзистенциальный кризис, требующий срочного внимания.

— Печально. А я надеялась, ты там набираешься храбрости, чтобы подойти и приударить за мной. —

Она, не сводя с него глаз, подносит к губам очередную оливку и соблазнительно высасывает из нее сок, и вот оно, чувство, за которым он гонится, как за дозой наркотика, с тех пор, как ему исполнилось пятнадцать: трепет от осознания того, что он вот-вот будет обладать красивой женщиной.

— У тебя правда исключительная задница, — говорит Сэм.

— Да, я знаю. — Она смотрит на его «Джонни Уокер Блю». — Кстати об исключительности, мне очень расхваливали этот напиток. Можно? — Она поднимает бокал к свету и изучает переливы цвета, прежде чем поднести к губам и осушить его. — Ты прав. Он хорош. — Она наклоняется ближе, ее дыхание пахнет виски. — Если бы ты не был женатым местным психотерапевтом, я бы пригласила тебя попробовать мои губы на вкус.

— Откуда ты знаешь, что я женат? — спрашивает Сэм, чувствуя, как жар поднимается у него по затылку.

— Ты носишь обручальное кольцо, — отвечает она. Он засовывает руку в карман. — Кто сказал?

— А твоя жена знает, что ты сегодня здесь, анализируешь уверенную в себе единственную дочь, в городке Честнат-Хилл, штата Нью-Йорк?

— Моя жена не в этом городке, — говорит Сэм. — Так что скажешь? Не хочешь присоединиться ко мне за ужином?

Она смеется. — Ты даже не знаешь моего имени.

— Меня интересует не имя.

— Правда? — Она ставит стакан, поворачивается к нему лицом и тянется под стойку. — Ну, в таком случае...

— Ребята, у вас все в порядке? — Это бармен, смотрит на них, почесывая бровь, пока женщина медленно скользит руками по бедрам Сэма.

— Да, — отвечает она. — У нас все отлично.

Бармен уходит, а ее правая рука оказывается у Сэма между ног, где задерживается еще на минуту, пока они смотрят друг другу прямо в глаза.

— Боже мой, доктор, — говорит она. — Насколько я могу судить, бедняжке, что за вас вышла, очень повезло. — Она снова кладет руки на стойку бара.

— Обязательно передайте ей мои слова.

— Я так и сделаю. — Сэм наклоняется вперед и нежно проводит пальцами по ее щеке, его горячее дыхание касается ее уха. — Эй, Энни Поттер, знаешь, что? Тебе очень повезло.

Она пахнет шампунем «Пантин», на ней серьги, которые он подарил ей вчера вечером. — А теперь верни руку обратно.

— Простите, доктор Статлер, — говорит она, отстраняясь. — Но это только часть юбилейного подарка. Вам придется подождать, пока мы не вернемся домой за остальным.

— Ну, *в таком* случае. — Сэм поднимает руку и жестом просит счет, а Энни берет шпакку и закидывает в рот последнюю оливку.

— Как прошел твой день, дорогой супруг? — спрашивает она, улыбаясь.

— Не так хорошо, как мне бы хотелось.

— Навестил маму?

— Да, — отвечает он.

Энни смахивает волос с его плеча. — И как она?

— Нормально.

Энни вздыхает. — Вчера все там казались такими недовольными. Они ненавидят новые правила.

— Все *нормально*, Энни, — говорит Сэм, не желая сменять ощущение руки жены у себя между ног на мысли о матери, одинокой и несчастной в доме